Планета Борос, колония государственного Дома Незо, представляла собой растянувшийся вдоль материка город, ориентированный на добычу ресурсов, развития технопарков и (в целях привлечения туристов) постройку аттракционов.

Ассоциация нобилити арендовала центральный стадион города и приспособила его к испытанию восьмого уровня синтраж. Точнее, ассоциация перестроила стадион для очередной проверки «идущих». Теперь на его месте стояла башня. Спиральная башня в десять этажей, испытывающая команды в лучших традициях синтраж. Многодневное прохождение башни, где целью было добраться до вершины. Многие команды бросали тех, кто тормозил прохождение, был ранен или просто не мог продолжать подъём ввиду слабой морали.

Команда Алактума не знала, что ожидает их в башне, но они условились не разделяться и не бросать друг друга до момента, когда иного пути спасения как бегство не предвидится.

На третий день испытания башней они заперлись в одной из комнат, выполняющих функцию перевалочного пункта. Восьмой уровень в очередной раз проверял на крепость единство команды, оказавшейся под предводительством Умы Алактума. И сложность происходящего для них состояла не в прохождении самой башни, а в разрастающемся разладе между её членами.

— Это всё ты, — гневно шипит Тесса. — Ты хоть иногда можешь серьёзно отнестись к происходящему?

— Я? — почти искренне удивляется юноша, — да я был вполне серьёзен.

— Честное слово, Ума, — устало говорит Ким, — мне порой кажется, что ты нарочно испытываешь наши нервы на прочность.

— Ничего я не испытываю, — бубнит монах, не глядя на собеседников.

— С самого начала, как мы начали покорять синтраж вместе, от тебя было больше проблем, чем помощи, — обвиняющий тон Тессы не предвещает ничего хорошего.

— Эй, если ты опять вспоминаешь Гунбаур, то обвиняй и Куна тоже.

— Да причём здесь Гунбаур, — кривится подруга.

— Только не говори, что всё дело в седьмом уровне, — потухший взгляд Умы устремляется на обвинительницу. — Ты будешь продолжать цепляться за прошлое?

— Да, я буду продолжать цепляться за события, произошедшие на Обуме. Потому что это было ошибкой, потому что ты не раз подверг нас опасности и потому что дело не только в том, что мы пережили в лесу. Дело и в том, что происходит сейчас…

— Не надо приплетать сюда седьмой уровень, — руба монаха трещит, когда его спина напряжённо раздувается, — я вдоволь наслушался вашего нытья ещё тогда и решил этот вопрос.

— В том то и дело, — уныло говорит Ким, — мы не хотели такой победы.

— Посмотрите на себя: вы ныли, когда мы остались замерзать на плато, хотя вы все согласились на ту авантюру. Вы ныли, когда я решил эту проблему, потому что вам не понравилось, как я это сделал, и вы продолжаете ныть, цепляясь за любую возможность сделать виноватым меня, а не искать проблему в вас самих. Мне начинает казаться, что вы

просто кучка слабаков, неспособных взять себя в руки и преодолеть усталость, преодолеть любую жизненную неудачу. Вы даже не можете осознать, что в вашем мозгу заставляет вас продолжать ныть, более того, вы просто не понимаете, как это жалко и не видите необходимости в росте, потому что это будет означать гибель для вашей слабости. А вы же так себя любите, что не можете лишиться самой малой толики себя, какой бы отвратительно слабой она не была…

Все замолкают. Никогда ещё Ума не говорил с командой в подобном тоне. Никогда ещё змей девяти искусств не показывал своего лица, чтобы ужалить ближайших к нему людей.

Взгляд юноши меняется, и он внезапно смеётся:

— Ладно, вы увидели, что бывает, если кого-то грызть. Как говорится: лучшая защита — это нападение.

— Это всё башня, — Док начинает ходить из стороны в сторону, — она испытывает нас. Полагаю, что в саму её архитектуру заложена пси-программа, как катализатор конфликтных ситуаций.

— Башня? — Тесса теряет последние капли терпения, — это твоё лучшее объяснение, Док? А что выступало катализатором конфликта на седьмом уровне? Я скажу — тупость твоего капитана, именно она является причиной проблем, а не какая-то пси-программа! Неужели ты забыл? Может, мне стоит напомнить? Почему бы и нет, времени то у нас полно…

Обуме. Седьмой уровень. Королевское плато

— Всё пропало, — стонет Док, — мы их упустили, а с ними упустили наш шанс на быстрое завершение испытания.

— Как ты мог? — Тессу переполняют эмоции, — ты же знал, что стоит на кону, и подвёл нас всех!

— С любым могло случиться, — о чём-то думая, отвечает Ума.

— И что, по-твоему, с нами случится, когда сядет солнце, температура опустится ниже нуля, а костёр мы не сможем развести из-за страха привлечения хищников?

— Ничего не случится, — юноша не особо реагирует на обвинения, — мы покинем плато до наступления темноты.

— Каким это образом? Ты не забыл, что наши самодельные «парашюты» непригодны для полётов?

— Починим, — отмахивается капитан.

— Даже если так, что мы будем делать дальше? Мы по-прежнему не выполнили условие испытания!

— Всё, меня это достало, — Ума-Жнец поднимается с земли, кровожадно улыбаясь, — если кто-то ещё раз откроет рот чтобы причитать о неправильности происходящего — я буду воспринимать это как вызов мне как капитану, и поскольку мы находимся в дикой местности, то и отвечать на вызов я буду по правилам животного мира… Чините парашюты, а к тебе, Винсент, у меня особое поручение…

Борос. Восьмой уровень. Башня

— Ты не стал брать на себя ответственность за произошедшее, не стал извиняться, не стал благодарить нас за спасение твоей жизни, — похоже, что Тесса высказала всё, что не успела сказать тогда. Ума огорчённо качает головой:

— Ты, кажется, неправильно поняла суть взаимоотношений в нашей команде. Мы не должны извиняться друг перед другом или перед кем-нибудь ещё. Мы вообще никому ничего не должны. Что касается благодарности, то я не просил вас меня спасать, я и сам бы справился…

— Даже если так, — в разговор неожиданно вмешивается Кун, — что нам было делать? Бросить тебя на произвол судьбы в бессмысленных попытках преследования добычи?

— Значит, это было ваше решение: я не заставлял вас этого делать, так что не смей требовать от меня благодарности, Тес. Потому что если ты хочешь назвать наши отношения дружескими, то знай, что друзья именно так и поступают: они спасают друзей, не требуя благодарности. А что касается ответственности за произошедшее, то я взял на себя ответственность и сделал я это из-за вашего недовольства, и если вы недовольны результатом решения проблемы, то вам следует направить своё недовольство итога на ваше же изначальное недовольство, побудившее меня действовать.

— Как хорошо ты обороняешься в нападении, чемпион, — обычно ласковый голос Ким отдаёт звоном стали. — Хватит нападок. Я не виню тебя ни в чём, кроме момента, где ты посмел угрожать своей команде, отвлекая нас приказом по починке одеял, пока реализовывал очередной свой план, даже не обговорив его с нами.

— Аааа! — Ума бессильно кричит в потолок. — В чём смысл во время ссоры вспоминать прошлую ссору?

— Можно вспомнить и другие события, — Ким упирает руки в боки. — Например, подъём на плато был безрассудной идеей…

Обуме. Седьмой уровень. Кричащее ущелье

Ветер рвал и метал. Наспех сделанные парашюты трещали, готовые порваться в любой момент. Холод пробирал до костей, отвлекая от подобия управления полётом. Поток воздуха то и дело норовил швырнуть наглецов на скалы. Травяные верёвки стирали ладони в кровь. Кого-то рвало. Первым параплан не выдерживает у Куна: полотно рвётся, хантера закружило, лишая управления и стремясь превратить охотника в кровавое пятно на полотне зубастых скал…

Борос. Восьмой уровень. Башня

— Как удобно вырывать нужные моменты из контекста событий, — Ума прерывает Ким, — если уж вы так не хотите отпускать седьмой уровень, то давайте вернёмся к моменту, где мы все согласились на мой безумный план…

Обуме. Седьмой уровень. Кричащее ущелье

Они стояли над бездонной расщелиной, ожидая, когда вопль из недр земли вознесёт их на возвышенность. Рискованный шаг для получения грандиозной добычи. Было темно и холодно, прерванный сон не хотел отпускать, однако страх перед предстоящим разгонял кровь лучше любого препарата.

— Все готовы? — в очередной раз переспрашивает Ума, — до рассвета ещё три часа, если пропустим этот поток, то в принципе можем подождать следующего.

— Нет уж, лучше побыстрее с этим покончить, — трясясь от холода и страха выражает общее мнение Док.

— Тогда ещё раз обговорим план действий. Мы будем двигаться как одно целое, каждый должен быть готов помочь друг другу. Мы будем соединены тросами на случай, если кого-то унесёт в сторону. Отсоединяться только в крайнем случае. Прыгаем все вместе, и так как темно, руководить полётом будет Винс. Из-за ветра мы не сможем услышать друг друга, так что будем передавать сообщения посредством психо-управления. Проверьте функционал линз и ни в коем случае не закрывайте глаза. Если дела будут совсем плохи, и парашют станет бесполезен — надейтесь на импровизированные крылья, что мы себе прицепили из остатков одеял. Парите к скале, хватайтесь за уступы и ветки, главное — выживите.

— Начинается, — в голосе феи слышится сомнение. Однако авинец не ошибся с предсказанием и в этот раз. Через минуту послышалось лёгкое завывание, и из расщелины подул слабый ветерок. Все замолчали, подошли к краю, и когда ветер стал достаточно сильным, одновременно прыгнули вглубь ущелья…

Шесть парашютов вздуваются по велению природного явления — шесть силуэтов возносятся вопреки правилам природным. Верёвки пережимают грудь и талию. Не хватает воздуха. Однако они летят, летят, неспособные сдержать смех радости. Тросы натягиваются, формируя круг из парящих участников. Безумцы восторженно кричат, однако за ветром не способны услышать даже самих себя. Поток усиливается. Сквозит до одури. Холод становиться невыносимым. Ещё час. Нужно контролировать полёт. Держаться подальше от скал. Главное — не паниковать. Нужно продержаться. Всего час. Нужно терпеть.

Ущелье кричит. Восторг полёта сменяется ужасом. Ветер рвёт и мечет. Наспех сделанные парашюты трещат, готовые порваться в любой момент. Холод пробирает до костей, отвлекая от подобия управления полётом. Поток воздуха то и дело норовит швырнуть наглецов на скалы. Травяные верёвки стирают ладони в кровь. Кого-то рвёт. Первым параплан не выдерживает у Куна: полотно рвётся, хантера закружило, лишая управления и стремясь превратить охотника в кровавое пятно на полотне зубастых скал. Товарищи тянут трос, Кун расправляет руки и принимает горизонтальное положение, прикреплённые к рукам и ногам крылья-перепонки надуваются, позволяя продолжить подъём.

Участники в ужасе от понимания полной мощи извергаемого ущельем потока. Потому что ветер не ослабевает. Ощущение холода перерастает в немеющую боль. Полёт продолжается. Ещё пол часа.

Второй парашют рвётся у Умы. Монах сразу меняет положение тела, стараясь сохранить целостность командной фигуры. Удаётся с трудом. Монах и хантер поднимаются медленнее остальных и тормозят всю команду. Тросы душат удавом. Сопли не дают дышать. Зубы выстукивают безумные ритмы. Быстрее, быстрее, когда же это кончится.

У Винсента рвётся одна из верёвок. Авинец пытается парить, однако ему отрывает крыло. Он падает, таща команду вниз. Парашют Тессы не выдерживает. Парашют Ким на пределе. Полёт становится падением. Док вопит, закрывает глаза, открывает глаза, отсоединяет две верёвки, связывающие его с полотном. Разъединяет сцепку с парящей рядом Ким. Его параплан становится бесполезен: вихляет подобно флагу. Врач расправляет руки и летит к скале. Команда безуспешно пытается восстановить устойчивое положение в воздухе. Док удлиняет

свой трос и с воплями пикирует перед скалой, облетает один из уступов, обвязывая и не позволяя команде погибнуть. Спаситель отправляет сообщение Ким:

«Удлиняй тяж! Лети дальше!»

Благо девушка так и поступает. Без амортизации её парашюта, Ума, Кун, Винсент и Тесса откровенно падают, пока закреплённый Доком трос не натягивается и не сшибает их со стеной из камня и песка.

Спасённые забираются на уступ к врачу, понимая, кому они обязаны жизнью, но не в силах вымолвить и слова благодарности. Высота кружит голову. Авантюристы понимают, что они почти добрались до вершины плато, однако даже так, участники не могут забраться туда без должного оборудования и им остаётся полагаться на Ким и на то, что длины троса будет достаточно. Товарищи садятся поближе друг к другу в надежде согреться, однако это не помогает. Доку приходится достать термо-шар, и хотя они договорились использовать его только на плато, никто не возражает, когда врач активирует устройство, чтобы излучаемое тепло начало причинять боль от оживления окоченевших членов. Они тихонько плакали в ожидании сигнала от своей подруги — организм снимал стресс.

Вскоре Ким добирается до вершины и крепит трос с максимальной отдачей. Команда получает сигнал и с неохотой начинает подъём. Металлическая верёвка жжёт руки пуще пламени, приходится постоянно менять импровизированные крепежи и страховку, соединять одни тросы с другими, проверять, как справляются остальные и продолжать двигаться. К тому времени как они взобрались — ветер окончательно стих. Обессиленные, голодные и простуженные, они кучкуются, чтобы Док снова использовал термо-шар…

Борос. Восьмой уровень. Башня

Все замолкают, неспособные продолжать ссору после погружения в воспоминания о пережитых моментах единства. Угроза смерти и разделённые невзгоды были способны сблизить и не таких единоличников. Каждый хочет что-то сказать, но никто не решается придать чувствам форму слов.

— А знаете, что? — Ума находит в себе силы исправить происходящее. — Я думаю, что Док был прав. Башня нас испытывает. Организаторы этого уровня провоцируют нас на ссору в изолированной комнате. Даже больше: они ставят нас перед выбором решить конфликт мирно или покинуть комнату поодиночке. А так как за пределами комнаты мы окажемся в смертельной опасности, то целью испытания может оказаться умение находить компромиссы внутри команды.

— Ещё они могут надеяться, что мы перебьём один одного, — оттирая свой кожаный доспех от крови, предполагает Кун.

— Именно, — соглашается юноша, — я даже склонен считать, что они травят нас психотропом, чтобы ослабить нашу пси-защиту. Винс?

— Возможно. Господин считает, что воздух имеет странный привкус, почти незаметный даже для него, но привкус всё же есть, — до смешного серьёзно лепечет фея.

— Кто-нибудь, когда это закончится, ради интереса проверьте: действительно ли программа общения запрограммирована передавать его мысли именно так, или же Винсент сам говорит о себе в третьем лице, называя господином, — капитан скептически смотрит на авинца, — мы должны это узнать. Считайте это первоочередной задачей по возвращению на корабль.

Вымученный послестрессовый смех шорохом оседает в комнате. Именно это сейчас и было надо: расслабиться после напряжённого дня.

— Знаете, я даже рада, что всё разрешилось в столь абсолютно нелепой манере, — устало говорит зачинщица ссоры, — думаю, следует забыть о сегодняшнем дне как о плохом сне и отдохнуть.

— Нет, — качает головой Ума, — нельзя, чтобы прошлое продолжало нас цеплять. Нам следует вернуться ко всем спорным моментам вплоть до сегодняшнего дня и разобраться с вашими «обидками» раз и навсегда.

— Нашими? — щуриться Тесса.

— Тише, зая, — успокаивает подругу Ким, — он не специально.

— Что ж, — кашляет Док, — неплохая мысль.

— Ах да, — вспоминает капитан, — нам следует вспомнить о героическом поступке нашего фельдшера.

— Кого? — шёпот недоумения Тессы заставляет Дока помрачнеть.

— Фельдшер — это врач, — так же шёпотом поясняет ей подруга.

Каждый делает вид, что не услышал сказанного, и Ума продолжает свою речь:

— Док показал свою ценность не только как врача, но и как товарища, на которого можно положиться в трудную минуту.

Вялые аплодисменты вынуждают героя помрачнеть ещё больше.

— Ладно, полагаю больше никому не нужно потешить своё чувство значимости? Тогда продолжим. Мы оказались на плато. Что пошло не так?

Дать ответ решает Ким:

— Мы были не единственные, кто нацелился на поднебесные лилии…

Обуме. Седьмой уровень. Королевское плато

Чтобы добраться до лилий к рассвету им пришлось есть по пути. За всю дорогу плато не выделялось чем-то значимым: обычная каменистая местность сменялась лесистой, были среди растений и экзотические экземпляры, однако ничего, что могло стоить пережитого самоубийственного подъёма. И только лилии, да, именно лилии вызвали у участников восторженный трепет. Поднебесными они были названы не зря: к небу тянулись сотни невероятно длинных вертикально растущих столпов. А на их верхушках готовились раскрыться блестящие от утренней росы бутоны. Обхват стеблей доходил до нескольких метров, а лепестки могли разместить на себе больше десятка человек. Лианы соединяли всю эту бесконечно растущую конструкцию, не позволяя упасть ни одному из цветков поднебесья.

Светало. Нужно было спешить. План был прост: использовать термо-шар и единственный целый парашют, чтобы забраться к самим лилиям. Ким достаёт из рюкзака полотно, проверят крепость верёвок. Док настраивает обогреватель на максимум.

— У нас одна попытка — я зафиксирую шар так, чтобы поток горячего воздуха поднял тебя как можно выше. Однако заряда почти не осталось, так что будь осторожна. И обмотай голову, чтобы не напекло.

Ума с Тессой, используя кусок троса и раскоряченный термос, помогают зафиксировать шар между верёвками. Кун лезет вверх по лианам, таща за собой парашют, Док включает обогрев в режиме сушки. Полотно расправляется, ноги девушки отрываются от земли, и она спешит выровнять положение тела, направляя полёт подальше от лиан. Шар продолжает наполнять парашют горячим воздухом (обогреватель находится аккурат между Ким и полотном, отчего жара почти не ощущается).

Десять метров. Двадцать. Внезапный поток ветра относит девушку в сторону, и она спешит потянуть верёвки, направляя полёт к ближайшему стеблю.

Сорок метров, шестьдесят. Ким почти у цели. Термо-шар перестаёт гудеть. Полёт превращается в паническое пикирование. Параплан сдувается — Ким хватается за лианы и, свесившись вниз головой, сворачивает парашют, пихает его в рюкзак. До неё доносятся крики поддержки. Вздохнув, девушка продолжает подъём по лианам. Метр за метром она оказывается у цели под тенью раскрывающегося лепестка — достаёт спицы. Вбивая их в стебель, продолжает лезть до самого верха, пока не оказывается на упругом сверкающем в бликах света цветке. Он был огромен, они все были огромны. Прекрасная картина поднебесной цветочной поляны заворожила участницу. Полностью раскрывшиеся лепестки были настолько широкие, что почти касались лепестков соседнего цветка, будто в неистовом желании прикоснуться к собрату. Аромат пьянил, а вид оставшегося внизу плато захватывал дух…

Девушка опомнилась и, закрепив трос, кинула свободный конец вниз. Конечно же, металлическая верёвка зацепилась за одну из лиан, и Куну пришлось лезть, чтобы скинуть её вниз. Все начали подъём, благословляя ранее проклинаемые ими же лианы. К тому времени как они добрались, солнце в полной мере осветило арену действий. Кто-то ахал, кто-то сморкался. От силы цветочного аромата Винсент на какое-то время утратил способность стоять. Нужно было перевести дух. Всем.

Однако они это сделали: забрались туда, где удавалось побывать не каждому. Полдела было сделано, и оставалось лишь найти искомый ингредиент. На какое-то время участники даже забыли цель своей авантюры, пока Кун не побудил команду к действию.

— Нужно идти к центру: мужская лилия должна располагаться так, чтобы была возможность опылить все женские особи.

— Тогда он не должен быть с наветренной стороны?

— Нет, Ким, не должен.

Все с неохотой поднимаются на ноги, первым разбегается Кун и, оттолкнувшись от края лепестка, прыгает на соседний цветок. Белые листки колышутся, однако с лёгкостью выдерживают вес человека. Они даже слегка пружинят, что превращает перемещение в подобие аттракциона. Команда «Алактум» двигается одной шеренгой, сначала неуверенно, но с течением времени пробуя всё более изощрённые виды прыжков. Кто-то смеётся, кто-то поскальзывается на влажной поверхности цветка и с трудом удерживает равновесие. Это рождает идею. Ума приземляется на очередной лепесток и скользит по нему до самого края, чтобы после лёгкого прыжка инерция пронесла его до следующего бутона. Ким первая не упускает возможности повторить новый способ передвижения. Винсент, Тесса — вскоре уже

всей команде приходится изворачиваться, скользя по ни в чём не повинным цветкам.

Согласно карте они приближаются к центру. Это даже огорчает, потому что приходится остановиться. Охотники на лилии оглядываются, в поисках особого цветка. Теперь их окружает белое поле изгибов и ароматов под бескрайним небом планеты. Где-то вдалеке парят птицы, а из звуков осталось лишь сбивчивое дыхание и шёпот ветра.

— Ещё раз посмотрите на изображение, — отдышавшись, говорит Док, — пестик небесной лилии сложно спутать.

— Давайте разойдёмся, чтобы охватить максимум площади, — предлагает Кун.

Товарищи азартно бегут врассыпную в поисках драгоценного растения. Наблюдение — бег, прыжок — наблюдение — бег, скольжение, прыжок — наблюдение. В глазах начинает рябить от изобилия одинаковых бутонов, когда до всех доносится крик Дока:

— Сюда, все сюда!

Команда спешит на зов, с облегчением понимая, что поискам пришёл конец.

— Видите? Там! — радостно указывая пальцем, врач чуть ли не бросается в пляс.

— Ну конечно, с таким биноклем на носу сложно что-то не найти, — смеётся Ума.

— Минут пять добираться, — что-то жуя, оценивающе говорит Кун.

— Какие большие птицы! — глядя куда-то в сторону, восклицает Тесса.

— Вашу мышь! — Док нервно кусает губы.

— Что? — хором спрашивают Ума, Тесса и Ким.

— Это не птицы, это люди… и они летят.

— Кажется, кто-то из участников хорошо подготовился.

— Сколько их?

— Восемь… да, восемь.

— Плохо дело.

— Они летят на аэродинамическом крыле. Похожи на те, что мы себе соорудили, но у них есть и воздушные движки.

— Что будем делать?

— Думаете, они знают, где находится пестик?

— Или мы разбегаемся в разные стороны, чтобы их запутать, или все вместе бежим за добычей.

— Лучше уж все вместе.

— Тогда бежим.

Шесть силуэтов срываются со своих мест, направляясь к центру небесной поляны. Они не жалеют сил, чтобы первыми оказаться у заветного бутона, однако восемь парящих фигур неумолимо приближаются. Одной волей технологии не обогнать, и они это знают.

«Если бы мы только добрались сюда раньше!»

«Если бы только они оказались здесь позже!»

«Хорошо, что они не прибыли раньше».

Конкуренты приземляются перед командой Алактума, когда до пестика остаётся всего пара бутонов. Их крылья втягиваются обратно в рюкзаки, чтобы не мешать предстоящему бою. Обе команды замирают, не зная, что сказать, и понимая, что говорить тут нечего.

— Всё в порядке, — шепчет Док, — чтобы извлечь пестик, потребуется некоторое время. У нас ещё есть шанс.

— Тогда пробиваемся построением V, главная цель — пестик. Хватаем его и прыгаем вниз, там они не полетают, — Ума ещё секунду думает, и продолжает. — Мы не в лучшей форме — не пытайтесь победить, не в этом цель. Их больше, и они полны сил, пожтому, чтобы победить, мы должны быть безумнее…

Девушка из вражеской команды с повязкой капитана на рукаве бежит к королевскому пестику.

— В наше время ещё кто-то использует капитанские повязки? — возмущается Ума, прежде чем начинается бой.

Команды идут врассыпную, прыгая по лепесткам и формируя с одной стороны полукруг защиты, а сдругой клин.

Док, после обстрела из игломёта, упал почти сразу, не удержав равновесия на краю листка, и вопя улетел вниз. Кто-то вскрикнул, однако заметив, что врач безопасно повис на лиане, все успокоились. Команда Алактума клином врезается в рассредоточившихся соперников. Кто-то падает, и его вопль цепляет за самое нутро, кто-то кричит: «окружай!», — а кто-то молча выжидает удобного момента.

Кун цепляет ноги противника затупленными клинками, но враг взлетает в воздух, избегая удара, и ловко приземляется на соседний лепесток. Двое стреляют — иглы барабанят по кожаному доспеху, волновик зудит, но хантер успевает нажать что-то на рукояти, и выстрел волновой пушки рассеивается от защитного излучения. Кросс вертится между тремя противниками, понимая, что здесь судьёй будет удача.

Тесса сталкивается с каким-то ловким цикианцем. Они сближаются и отпрыгивают, атакуют и защищаются, не уступают друг другу в навыках и пытаются навязать свой темп.

Ким безостановочно метает в соперников отравленные иглы, но не может приблизиться к ним слишком близко, без риска пропустить их к Уме. В ответ кто-то стреляет из игломёта, но девушка взмахивает рукой, и снаряды вязнут в широком рукаве её костюма.

Винсент ведёт обстрел по всем фронтам. Один из участников решает одолеть его в ближнем бою и, выхватив свой полуторный меч, без заминок прыгая по цветам, приближается к авинцу. Свист затупленной стали — Винсент уклоняется и тут же стреляет в ответ, мечник тоже избегает выстрела и снова наносит удар. Прыгнуть назад, выстрелить — враг успевает

приблизиться и мечом отбить дуло игломёта. Пригнуться, пропуская над собой звенящий клинок, выстелить — противник снова уклоняется от заряда. Отклонить стволом удар меча, выстрелить. Снова отпрыгнуть, выстрелить…

Суматошный бой заставляет допускать ошибки. Вражеская команда сжимает кольцо окружения, собираясь сломить команду «Алактум». Команда Умы только этого и ждёт. Когда противники нацеливаются на капитана-бездельника, его товарищи общим усилием атакую один фронт вражеской команды, на время создавая брешь и позволяя Уме проскочить в образовавшееся окно.

Монах приземляется перед капитаном конкурентов. Перед девушкой с повязкой капитана на рукаве. У него ещё есть секунд десять. Змей девяти искусств ухмыляется, и позволяет ей первой нанести удар. Зря. Её посох поёт, пытаясь достать монаха, но Ума без труда обходит все финты. Взмах, взмах, укол. Юноша перехватывает древко орудия. Просто. Слишком просто. Из наконечника бьёт свет — болезненно ослепляющая вспышка, и Ума на секунду теряет зрение, чувствуя, как у него из-под ног выбивают опору.

Полёт. Полёт и осознание поражения…

Враги, завладев ингредиентом, отступают. Один за другим они прыгают вниз, чтобы в нужный момент расправить крылья и, лавируя между изысканиями травяной архитектуры, покинуть поле боя.

Кросс-хантер рычит, прыгая на спину одного из летунов, в желании захватить заложника. Враг теряет управление, участники путаются в лианах, ранец активируется, посылая парочку на встречу со стеблем — лианы не выдерживают и рвутся, противник хватает одну из них, чтобы изменить курс полёта. Куну везёт меньше: его нога намертво застревает в травяном узле — потенциальный заложник вырывается и спешит улететь. Винсент стреляет — иглы отскакивают от механического рюкзака. Они остаются одни. Всё. Конец.

— А где Ума? — внезапно спрашивает материализовавшаяся на плече авинца фея.

— Кажется, он упал вниз, — почему-то виновато говорит Док…

Борос. Восьмой уровень. Башня

— Эм… да, касательно нашего провала в попытках захватить королевский пестик, кто-нибудь хочет высказаться? — Ума вопросительно смотрит на товарищей. — Никто? Тесса? Кажется, именно ты начала обвинять меня тогда.

— Ну уж нет, — огрызается пантера, — ничего я говорить не буду, даже не скажу, что ты посмел недооценить девушку и проиграть ей в схватке один на один.

— Если ты считаешь, что я её недооценил, то ты ошибаешься.

— Вот как? Хочешь сказать, что она была так хороша?

— Ты сейчас про внешность или боевые навыки говоришь? Ладно, на оба варианта ответ «нет». Она не была так хороша, но я и не думал недооценивать её только потому, что она девушка, уж поверь. Я знаю, по крайней мере, пятерых женщин, что дадут фору любому мужчине.

— Не надо задабривать нас комплиментами.

— Ты как всегда скромная. Я не вас имел в виду. И я никогда не говорю комплиментов. Возвращаясь к моей ошибке: быть может, я хотел продлить тот поединок чуточку дольше, чтобы понять, что она за капитан, на что готова пойти ради победы или ради команды.

— Ну и как, узнал? — скепсис Тессы заражает остальных.

— Что-то вроде, — бубнит Ума в ответ.

— Так или иначе, — Док решает взять инициативу в свои руки, — проблема напряжения, возникшего внутри нашего коллектива, как и причина того, что после плато мы почти не разговаривали, состоит не в том, что мы обвиняли друг друга в провале. События, что повлекли за собой командный кризис, произошли позже.

— Значит позже, — соглашается Ума…

Обуме. Седьмой уровень. Королевское плато

Ума падал. Попеременно попадающиеся лианы тормозили падение, но тормозили крайне неласково. То спину, то живот обжигало столкновение с разросшимися травянистыми побегами, швыряя человека от одной лианы к другой. В глазах до сих пор мерцали вспышки, непозволяющие монаху зацепиться за очередное обжигающее препятствие на его пути к земле. Ума падал.

Вскоре лианы стали попадаться чаще и разрываемые весом падающего человека таки спасли его от чрезмерного столкновения с поверхностью. От не чрезмерного же столкновения они его не спасли. Ума сшибся с землёй, забывая о том, что есть что-то кроме боли. Благо, что ненадолго: через полчаса монах смог открыть глаза. Зрение вернулось. Боль отступила. Ничего сломано не было, и юноша заставил себя подняться. Голова гудела, тело слушалось с трудом. Живот, как и спина, горели от спасительных прикосновений вьющейся травы. Кто-то наверху выкрикивал его имя.

— И минуты без меня не могут, — хрипит участник, замирая на месте.

На него изучающе смотрело мохнатое существо, то и дело шевеля своими усиками. Грызун размером с собаку. «Крысолис», — вспоминает Ума, прежде чем животное с писком решает напасть.

Монах бьёт не раздумывая. Нога звонко откидывает зубастую голову грызуна. Справа слышен шорох — развернуться и вбить кулак в глотку очередного хищника. Крысолис давится кулаком, неспособный сомкнуть пасть. Сзади! Развернуться, прикрыться висящей на руке тварью, чтобы её сородич вгрызся в мохнатую плоть собрата. Вырвать руку из горла и оттолкнуть пищащий клубок. Прыгнуть, оттолкнуться от гигантского стебля, чтобы пролететь над новой порцией голодных существ. Снова прыгнуть — нет, не прыгнуть: ноги отзываются болью, и Ума падает на четвереньки. Грызуны близко. Кто-то кричит. Нет, не он, слышен воинственный клич, после которого на пищащих тварей обрушиваются твари двуногие. Кун рассекает крыс одну за другой — мечи с чавканьем входят в податливую плоть. Винсент стреляет без промаха — иглы вонзаются в хищников и парализуют их почти моментально. Крысолисы разбегаются.

— Нужно уходить, — сипло говорит кросс, помогая капитану подняться, — у них здесь гнездо рядом — скоро их тут будет гораздо больше…

Остальные уже здесь, и участникам ничего не остаётся, как бежать за пределы территории поднебесных лилий. Уме было тяжело поспевать за остальными, вероятно, так же тяжело, как

и Доку, однако они не останавливались. Не останавливались, даже когда за их спинами оказались крайние стебли лилий. Не останавливались, когда пробегали мимо вполне безобидной рощи. Не останавливались, когда капитан споткнулся и упал. Они остановились только у края: у места, где смогли взобраться на плато.

Ума ложится на землю и смотрит в бездонное небо.

— Всё пропало, — стонет Док, — мы их упустили, а с ними упустили наш шанс на быстрое завершение испытания.

— Как ты мог? — Тессу переполняют эмоции, — ты же знал, что стоит на кону, и подвёл нас всех!

— С любым могло случиться, — о чём-то думая, отвечает Ума.

— И что, по-твоему, с нами случится, когда сядет солнце, температура опустится ниже нуля, а костёр мы не сможем развести из-за страха привлечения хищников?

— Ничего не случится, — юноша не особо реагирует на обвинения, — мы покинем плато до наступления темноты.

— Каким это образом? Ты не забыл, что наши самодельные «парашюты» непригодны для полётов?

— Починим, — отмахивается капитан.

— Даже если так, что мы будем делать дальше? Мы по-прежнему не выполнили условие испытания!

— Всё, меня это достало, — Ума-Жнец поднимается с земли, кровожадно улыбаясь, — если кто-то ещё раз откроет рот чтобы причитать о неправильности происходящего — я буду воспринимать это как вызов мне как капитану, и поскольку мы находимся в дикой местности, то и отвечать на вызов я буду по правилам животного мира… Чините парашюты, а к тебе, Винсент, у меня особое поручение…

Капитан и авинец отходят в сторону, а возмущённая команда, понимая, что бездействием делу не поможешь, приступает к починке парапланов.

— Как думаете, о чём они говорят? — беспокойно спрашивает Док.

— Кто знает, — отвечает Кун с завидным безразличием, — быть может, Ума подбивает авинца бросить нас здесь.

— Он же это не серьёзно говорил, что мы его достали? — Тесса явно переживает о другом.

— Нет конечно, просто он устал и ранен, — врёт подруге Ким.

За работой время пролетает быстро. Док то и дело оглядывается, опасаясь нападения зверей, однако Кун остаётся спокоен, и его спокойствие передаётся остальным. Винсент куда-то ушёл по поручению Умы, а сам глава команды, сидя у валуна, погрузился в медитацию. Периодически участники давали себе отдохнуть, разминаясь или дремля на кипе наломанных веток. Обед лишил их половины оставшегося рациона, однако работа неумолимо подходила к концу. В полдень каждый из порванных парапланов был готов к последней фазе

восстановления. Тогда-то Винсент и вернулся. На его обычно бесстрастном лице читалась усталость от пережитых приключений этого дня, однако движения его были по-прежнему тверды.

— Кажется, нашёл, — в этот раз от проекции феи остаётся только голос, — в километре отсюда.

Ума подрывается и бежит за авинцем. Остальные пожимают плечами и, подхватив инвентарь, следуют за ними, не желая пропустить очередную выходку капитана. В километре от их лагеря картина меняется не сильно: всё та же каменистая местность, пара сухих деревьев и полное отсутствие чего-либо ценного.

— Хозяин услышал кого-то в той области массива, — фея показывает пальцем за пределы плато.

И только теперь несведущая часть команды понимает, куда надо смотреть. Все осторожно подходят к краю возвышенности, всматриваясь в распростёршийся внизу лес. Каждый активирует свои линзы, надеясь заметить находку Винсента, однако, кроме зелени листвы ничего не видно.

— Спасибо, Винс, ты нас спас, — кровожадно улыбаясь, Ума таки говорит редкие для него слова благодарности. — Как же нам повезло, что кто-то оказался возле плато.

— Что там? — в нетерпении трясётся врач, безостановочно меняя фокус защитных очков.

— Не что, а кто, — поправляет монах. — Док, можно твои очки?

Не дожидаясь согласия, юноша срывает с головы товарища защиту для глаз и спешит использовать как бинокль. Какое-то время он всматривается в кроны стоящих далеко внизу деревьев, после чего отдаёт очки владельцу.

— Смотри туда, — Ума показывает пальцем на конкретное дерево, после чего достаёт свой портативный блок и, подключившись к очкам Дока, выводит изображение происходящего для остальной команды.

— Приблизь, ещё.

— Это же… — замечая движущиеся фигуры, Тесса готовится ахнуть.

— …люди? — разочарованно спрашивает Ким.

— Да, — кивает змей девяти искусств, — ещё одна команда.

— То есть, ты просил Винса побегать по периметру плато, чтобы он вслушивался, в происходящее внизу, в надежде услышать… голоса? — Док ничего не понимает. — Но зачем? И что более важно, Винсент отсюда услышал передвижение людей за два километра?

— Не недооценивай господина, — раздувшись от гордости, говорит фея.

— Мы слишком много сил потратили на эту авантюру. — Поясняет глава команды. — Мы устали и простыли. Конечно, твои лекарства помогают, но нам нужен отдых в комфортных и безопасных условиях. Ты не мог не заметить, что у Куна жар, Ким кашляет каждые десять секунд, а Тесса с трудом дышит. Такими темпами мы пройдём уровень себе во вред.

— Можно вызвать эвакуацию для участников, — предлагает врач.

— Мы не может уйти без победы, — качает головой юноша.

Остальные молчат, понимая, к чему клонит капитан. Врач был единственным, кто не мог увидеть очевидный выход из сложившейся ситуации, взращённый змеем девяти искусств.

— У тебя есть обезболивающее или адреналин? Мне нужно что-нибудь, что на время приведёт меня в форму.

— Есть, но зачем… — Док запинается, — если ты сегодня принимал лекарства, то я не могу…

— Я не принимал твоих пилюль, — успокаивает врача Ума, — коли уже что-нибудь.

Потрёпанный больше обычного цикианец роется в своём рюкзаке, достаёт тонкий цилиндрический инъектор и вбивает порцию стимуляторов в плечо капитана, уже понимая, какой дилемме подверглись остальные члены команды.

— Лили, — глава команды обращается к Ким, — у тебя остался последний целый параплан…

— Нет, — прерывает его Ким, — даже не думай.

— Это всё равно произойдёт, — беззлобно говорит змей, — и не важно, какой из парашютов я использую и когда.

— Тебе не обязательно делать это одному, — писклявая программа портит всю серьёзность намерений авинца.

— Я знаю, — вздыхает капитан, — я знаю, что ты бы разделил со мной это бремя, ведь ты всё понял, ещё когда я просил тебя их найти. Быть может мне бы помог и Кун, или даже Тесса, но вы бы видели сейчас свои лица — я не стану просить вас участвовать в этом.

— Но их там человек шесть-семь, не меньше.

— Ты забыл, что перед тобой стоит чемпион «Ню Нова»? — улыбается глава команды.

Ким злобно швыряет рюкзак Уме. Змей ловит его и начинает переупаковывать парашют для посадки.

— Это не выход, — она всё ещё пытается переубедить юношу. — Кем мы в итоге станем?

— Это Синтраж, здесь такое постоянно происходит.

— Но не на этом уровне, его суть в другом.

— Не надо преувеличивать, — Ума обматывается крылом, — я же их не убивать собрался. Если они и правда сильны, то оклемаются и пройдут этот уровень немного позже, а если нет, то им не стоило и начинать.

— Я не хочу таких побед, — девушка поджимает губы. Тесса обнимает подругу за плечи, успокаивая и не до конца понимая причин её расстройства.

— Значит, постараемся так больше не делать, — напоследок улыбается Ума. Змей разбегается и прыгает с уступа.

Одинокий силуэт несётся вниз, пролетая перед стеной из камня и песка. Ему хочется закрыть

глаза, но он этого не делает. Участник расправляет руки, и его подхватывают потоки воздуха. Падение превращается в подобие полёта. Импровизированные крылья трещат, однако юношу это не волнует. Его волнует только конечная цель, расположенная внизу, среди бесчисленных ветвей лесного массива. Его товарищи наблюдают за ним сверху, в месте, где он их и оставил, только чтобы позже они могли все вместе двигаться вперёд.

Когда Ума подлетает достаточно близко, он расцепляет верёвки, позволяя параплану раскрыться и замедлить падение. Он боялся, что другая команда его заметит и попытается сбежать, однако их неосторожность была под стать неосторожности команды Алактума. Участники почувствовали неладное, только когда услышали отдалённый скрип веток. Они рассредоточились, ловко прыгая по древесным ответвлениям, стараясь разглядеть источник шума и не понимая, что тем самым подвергают себя опасности. В сотне метрах от их расположения в воздухе висел Ума. Его парашют намертво запутался в кроне одного из деревьев, и вторженец спешил отвязаться от уже ненужных летательных дополнений. Раскачавшись, Змей выскальзывает из объятий рюкзака и приземляется на широкую ветвь. Пришло время охоты.

Команда Алактума сохраняла молчание, наблюдая за проекцией происходящего. Они видят, как их капитан приближается к вражеской команде. В стане противника секундное замешательство, когда они понимают, что враг всего один. Они решают воспользоваться моментом и уверенные в превосходстве численного преимущества бросаются на приближающуюся цель.

Первого, того что был ближе всех, просто снести на пути к следующему. Глаза второго наполняются удивлением, когда слишком быстрый противник просто выбивает опору из-под ног. Третий уже летел в прыжке, когда Змей решил прыгнуть ему навстречу и сбить мимолётный полёт отчаяния. Четвёртый, или точнее четвёртая, замешкалась, переполненная страхом, и монах бережно столкнул её вниз. Они падали и кричали, ударяясь о безжалостные ветви в безуспешных попытках уцепиться за протянутые к ним древесные руки, чтобы остановить этот кошмар.

Этим событиям не хватало только музыки. Змей выкашивал противников одного за другим, скидывая участников вниз, выигрывая в скорости и ловкости, просто цепляя их ноги или перехватывая в прыжке. Один, второй, третий. Была в происходящем определённая красота, ритм и понимание того, кто именно выйдет победителем.

Последним монах приблизился к вражескому капитану. Уже не спеша, восстанавливая дыхание и думая о том, как именно это сделать. На секунду они замерли, стоя на соседних ветках, прыгнули одновременно и, ударив друг друга в едином порыве, одновременно приземлились на колышущиеся под их весомы ветви. Только вот Змей приземлился на вздувшиеся от напряжения руки, а вражеский капитан, ступив ногой, не смог удержать равновесия и рухнул вниз…

Всё закончилось. Тяжело выдохнув, Ума начал спуск с дерева. Юноша не спешил, что-то напевая под аккомпанирующие стоны лежащих на земле людей, пока не спрыгнул на ровную поверхность.

— Раз, два, три, четыре, пять, шесть… а где ещё один? А, вот где.

Кто-то завывал, поддерживая сломанную руку. Ума, проверяющий один из чужих рюкзаков, не выдержал, подошёл к раненому, угрожающе прошипел, чтобы тот не двигался, и одним рывком вправил конечность. Вопль разнёсся, казалось, по всей планете. Монах прикладывает к руке

ветку и перематывает оторванной от рюкзака шлейкой. Юноша проверяет ещё нескольких участников и, убедившись, что они живы, продолжает поиски добычи. Он смеётся, когда находит термо-шар и после секндного колебания решает оставить его себе.

Один из поверженных участников медленно вытаскивает из-за пазухи волновик и целится в спину врага — термо-шар с хрустом врезается в нос стрелка, его голову откидывает назад. Тут же юноша в чёрной одежде и с развевающейся за его спиной длинной косой в один прыжок оказывается около бедняги, отбирает оружие и говорит:

— Ладно, ладно, можете оставить себе свой обогреватель, чего уж там.

Некоторое время садист в чёрном о чём-то думает. Его взгляд падает на девушку, и юноша улыбается. Девушка пытается отползти, но упирается в ствол дерева. Незнакомец склоняется над ней:

— Где они?

— Кто?

— Предметы из списка, где ингредиенты. Где вы их храните?

— Мы ничего не успели собрать, — еле сдерживая слёзы, говорит несчастная, — мы лишь недавно прибыли на Обуме.

— Не лги мне, красавица. Хотя нет, какая ты красавица. Давай сначала. Не лги мне. Хочешь сказать, что вы новички и ничего не успели собрать? Новички, что уже оказались в этой части леса и за день научились передвигаться по деревьям?

— Я правду говорю…

— Ладно, — улыбается Ума-Жнец, — ладно.

Монах находит среди вещей трос, накидывает его на шею одного из участников и сжимает петлю. Мужчина хрипит, мужчина извивается, чувствуя, как ему в шею впивается гибкий металл. Ума наступает ему на спину, не давая подняться.

— Нееет! — завывает девушка, — ладно, ладно, мы спрятали добычу!

— Как жаль, что я тебе больше не верю, — огорчённо качает головой монах. — У вас два варианта: можете дать мне желаемое или дождаться прибытия моей команды. Но зная их, боюсь, вы не переживёте знакомства…

— Довольно! — хрипит сломленный капитан, с трудом поднимаясь на ноги. — Я сам отведу тебя к схрону, только отпусти моих друзей.

Ума освобождает заложника и смотрит в глаза капитана. Лидер против лидера. Сегодня каждый из них принял решение, неодобренное другими, но принятое ради блага их команд. Юноша смеётся, когда осознаёт всю иронию происходящего.

— Да не нужны мне твои друзья, я же говорил. Вызывайте спасателей или группу эвакуации… Не знаю, как они называются на этом уровне.

— Пойдём, — с трудом выплёвывает из себя поверженный мужчина, — я отведу тебя к месту, это не очень далеко.

На краю плато товарищи Умы спорили о правильности его действий. Почему-то они спорили шёпотом, будто предмет обсуждения мог их услышать. Зарождающуюся ссору прервало полученное сообщение:

«Чините парапланы. Скоро скину вам координаты. Направляйтесь прямо туда. Считайте, что мы прошли этот уровень^^».

Кун первым берётся за починку. Ему помогает Винсент. Остальные не хотят подчиняться приказам капитана-садиста, однако покинуть плато было необходимо, и вскоре каждый угрюмо принимаются за работу. Никто из них ещё не знал, что это испытание будет преследовать их на протяжении многих и многих уровней…

Борос. Восьмой уровень. Башня

Разбор полётов был окончен. Товарищи погрузились в собственные мысли, наконец, осознав истинную причину конфликта.

— Значит, вся проблема в том, что я сделал с той командой в лесу, — Ума отрешённо смотрит в потолок.

— Думаю, дело не в том, что ты сделал, а как ты это сделал, — Ким касается плеча юноши.

— Ты начал пытать одного из участников, — кивает Док. — Нет, ты пытал его без гарантии того, что это необходимо.

— Я знал, что они врут, — качает головой Ума.

— Ты не мог знать наверняка, — косится на него Тесса.

— Но я знал. И получил, что хотел, и мы прошли тот уровень.

— Мы могли вернуться в город, подготовиться и сделать всё правильно, — продолжает стоять на своём Ким.

— Нет, — ухмыляется монах, — у нас не так много времени.

— У нас ещё несколько месяцев в запасе, — Док активирует календарь. — Можно было хотя бы обсудить варианты.

— Эх… мы не знаем сколько времени займут оставшиеся уровни, и я точно знаю, что до начала десятого уровня нам нужно будет потратить время на подготовку. Без подготовки я не могу гарантировать, что все выживут. Спросите у Куна и Винса, с чем мы столкнулись на станции… да не важно.

— Это… — не желает сдаваться Ким, — это всё равно неправильно.

— Нет ничего правильного и неправильного, Лили, — взгляд Змея пронзает девушку насквозь. — И давай начистоту: чего ты боишься? Тебя пугают муки совести? Не думаю. Скорее ты боишься, что о нас сложится плохое мнение среди других команд. И не потому, что в будущем они захотят объединиться против нас. Ты хочешь, чтобы все считали тебя правильной и хорошей. Так вот позволь открыть секрет: хорошие люди не хотят, чтобы их считали хорошими. Ты надеешься, что если все поверят в это, то это станет правдой. Но нет никакой правды. Прими это. Не знаю, от какого прошлого ты бежишь, но если ты на самом деле считаешь нас

командой… друзьями (не верю, что сказал это вслух), то ты позволишь принять тебя и примешь нас. Не одна твоя мораль здесь пострадала. Ты ведь даже не задумалась: какого было мне. Ты не видела, что молчание Куна выражало неприязнь. Не прислушалась к эмоциям Винсента. И ты даже не попыталась поставить себя на место подруги. Полагаю, Тессе было больнее всего. Разрываться между тем, чтобы помочь тебе и беспокойством за моё состояние безуми… Ну да ладно. Мы закончили. Впредь давайте учиться не ныть, а становиться сильнее. Неужели так сложно принять, что все мы слабые никчёмные твари и исходить из этого?

Впервые за всё время Ким Лилиас утратила свою гармоничную подачу. Тень легла на её лицо, противоречие чувств и опыта не позволяло ей сделать окончательный выбор. Это не предвещало продолжения ссоры, просто девушка, по мнению большинства, была готова сломаться. По мнению Умы она была готова стать сильней. Док не мог рисковать, полагаясь на способность девушки читать между строк, поэтому он спросил первое, что пришло ему на ум:

— Вы добыли ключ? Что-то я его не вижу.

— Вот не надо, докторишка, — Ума обречённо закрывает лицо руками. — Добудь мы ключ, начались бы эти разборки?

— Ума опять облажался, — хрипит Кун, понимая задумку врача. — Ещё и спасать пришлось… ценой моего уха.

— Облажался, — Винсент «смотрит» в сторону с видом полной непричастности к сказанному.

— Облажался, — Тесса скрещивает руки на груди. — Полагаю, это даже может стать поводом для смены капитана.

Ким невольно хихикает, и все облегчённо выдыхают. Ума тоже смеётся, и вскакивает на ноги:

— Уверены, дурачьё? Вы уверены, что у меня не было причин на мои решения и поступки?

Речь капитана прерывает стук в дверь. Размеренный, чёткий стук — таким может быть только условный сигнал.

— Ну наконец-то, — юноша подходит к дверной панели, — сейчас начнётся самое интересное…

022

«Мне порой кажется, что ничто уже не станет прежним. Хотя о чём это я. Люди склонны забывать плохое, называя это прощением. Ведь ничего такого и не произошло. Тем более что я привык исправлять отношение людей к себе. Просто не надо стараться что-либо исправить. Надо дать им время увидеть то, что ты им не показываешь.

Одним единственным словом происходящее сложно обозвать. Это не разлад. Это больше похоже на эволюцию наших отношений, где одна сторона признаёт, что любит одну часть тебя, в то время как другая твоя составляющая вызывает отвращение. В то же время люди, думающие что умны, не требуют изменений, боясь уподобиться глупцам, и тем самым стирая для меня разницу между этими понятиями. Они не допускают мысли, что я могу находиться в постоянном изменении. Любая форма моего бесформенного существа не есть что-то, чем я буду дорожить. Не надевать какую-либо из своих масок не так уж и сложно, тем более что всегда можно создать новую. И, конечно же, никто не будет доволен и при таком раскладе вещей. Они захотят, чтобы ты полностью раскрылся, показав всё, чем ты являешься, тем самым вынудив меня драматично прошептать что-то вроде «ты не захочешь видеть эту сторону

меня», чтобы после я скатился по гальке безумия вниз, разрываемый хохотом от происходящего. Глупости, да и только.

Нет, к тебе это не относится. Мне самому нужны были эти беседы. Да, беседы с терапевтом, которому я тоже не раскрываюсь, рассказывая нескончаемую историю одного паренька. Прости за это: я затянул историю, отвлекаясь на неважные моменты, только чтобы не подходить к кульминации. Любой другой бы на твоём месте попытался давить, ускорить терапию, чтобы увидеть за каждым из монологов привычного слабого человека. Как жаль, что они не способны понять слабость моих социопатических настроений и как хорошо, что ты позволяешь всему идти своим чередом.

Я видел подобное, и это было разочарованием. Казалось бы, я встречал кого-то, кто мог стать для меня мной же, единственным человеком кого мне не хватает в третьем лице. Но они все были рождены травмой, болью, которая в конечном итоге делала их неинтересными. Иронично, что именно не понимающие истоков своего поведения люди говорят о пустоте моих желаний и поступков. Неспособные увидеть абсолютную логику моего существа, они даже не понимают, почему я не считаю нужным отвечать на их заявления.

Ну хватит об этом, давай двигаться дальше…»

***

— Опять!? Вы опять посмели заснуть на моём занятии!?

В этот раз это был профессор Корсис. Сонный парнишка выслушивал поток бессмысленных наставлений, желая профессору поучиться у некоторых лекторов не обращать внимания на спящих учащихся. Единственное, что до сих пор спасало соню — порой развёрнутые ответы, выходящие за рамки курса лекций. Многие принимали это как норму, считая, что парень занимается дома в своё удовольствие. Вообще-то на часть лекций можно было и не ходить, если удавалось подтвердить свои знания на контроле успеваемости. Но некоторые из профессоров считали подобное поведение неуважением, что влекло за собой определённые проблемы.

Учащейся группе же было весело: беззлобно смеясь и шушукаясь, они уже не раз делали ставки на наглеца в ожидании очередного маленького представления. Но это всё не имело значения: ни насмешки тех, кто его боялся, ни ругань лектора. Он был близок. Слишком близок к прорыву, чтобы думать о чём-то другом. У него был план на сегодняшнюю тренировку, и ничто не могло быть важнее этого.

Время тянулось бесконечно долго. Тело тряслось в предвкушении очередной симуляции. Однако парню следовало ждать. Ждать, пока закончится лекция. Ждать, пока платформа отвезёт его из шумного города в родной пригород. Ждать ужина, потому что мама решила всё приготовить собственными руками. Ждать вечера, чтобы его уход не выглядел слишком странно. За это время он мог и подремать, однако даже капсула сна не смогла надолго отключить сознание худшего из учеников.

Когда же солнце почти опустилось, парень, не желая, чтобы его кто-нибудь видел, прокрался в лес и, лавируя между деревьями, помчался к ждущему его кораблю.

Люк открылся автоматически. Не дожидаясь, пока учебная программа проснётся, ученик мчится в симуляр-комнату для постановки очередной смертельной ситуации. Парень не слушает голос наставника, в привычной для него манере садится на пол и надевает шлем…

Он стоял над обрывом. Прочный уступ под ногами заканчивался бездонной пропастью. Обрыв,

в котором приверженцы символизма были готовы увидеть абстракцию множества жизней. Но это было не важно. Важным являлось только то, что ждало его впереди и ничего больше.

«Ты знаешь, что делать», — доносится откуда-то сзади голос учителя. Парень не стал оборачиваться, зная, что увидит лишь смутный силуэт дня, что изменил всю его жизнь.

Ученик делает глубокий вдох. Закрывает глаза. Открывает глаза. Делает шаг вперёд…

Падение. Ветер свистит в ушах, безуспешно стараясь заглушить его мысли. Ветер режет глаза, мешая разглядеть детали проносящейся рядом скалы. Наставник что-то кричал, в безуспешных попытках предотвратить происходящее, однако падение было не остановить.

В этот раз всё было по-другому. Своевольный ученик не летел вдоль утёса, пытаясь ухватиться за спасительные выступы. Он падал на выступающие из скалы камни. Больше никаких прыжков. Только шаг навстречу неминуемой опасности.

Десятки раз до этого он пытался уловить мелодию тела, способную на невозможное спасение. Сейчас же он был готов разбиться, чтобы все его клетки слились в единый симфонический оркестр спасения необходимого.

Силуэты выступающих из утёса корней и скал пролетали совсем рядом, однако ученик с трудом мог уловить их приближение, понимая, что столкновение с очередным валуном может вызвать разрыв сердца и в реальном мире.

Оркестр затихал, так и не разыгравшись.

Каждая секунда увеличивала шансы провала. Собранная за все недели тренировок уверенность рассыпалась песчаным замком.

Оркестр окончательно стих…

И тут он увидел ясный силуэт приближающегося к нему камня. Столкновение неизбежно. Смерть неизбежна. Весь внутренний баланс и спокойствие, сформировавшиеся в ходе постоянных медитаций, сменились страхом.

«Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ!!!»

Пустота. Пустота в нём. Пустота снаружи. Звуков нет. Время остановилось. Нет, время не могло остановиться: камень по-прежнему приближался, просто мозг ускорил восприятие происходящего до своего максимума. Нужно было действовать, но тело не слушалось. Успех превращался в кошмар. Ничего не изменилось, просто смерть приближалась гораздо медленней, будто в желании свести с ума обречённое дитя.

«Давай же, давай, двигайся! ДВИГАЙСЯ!!!»

Тело начинает менять своё положение. Ученик пытается заставить себя выгнуться, чтобы облететь вековое препятствие. Медленно, как же медленно двигалось его тело. Камень приближался гораздо быстрей. Парень вытягивает руку навстречу неминуемой смерти и, перед самым столкновением, задействовав лишь кисть, по касательной отталкивается от валуна, направляя своё падение немного в сторону.

«Получилось!»

Расслабляться было нельзя: пока восприятие не замедлилось, нужно было остановить этот бесконечный полёт. Развернуться — мышцы почему-то стонут на грани разрыва, волокна кричат от боли, пытаясь двигаться с необходимой скоростью. Рядом проносится ещё один выступающий кусок скалы. Ученик отталкивается ногой, посылая себя к вьющимся корням, так удачно расположенным слева от него. Корни трещат, когда вес подростка обрушивается на них, и этот треск возвращает ученика в привычное состояние. Больше не было пустоты. Ухватившись за грязное корневище, он висел над бездонной пропастью, понимая, что долго так не продержится. Каждая его клеточка плакала от боли, и он был готов плакать вместе со своим телом. Сил не оставалось. Хватка ослабевала. Ему было не выбраться…

— Достаточно, — останавливает симуляцию голос наставника.

Парнишка снимает шлем. Смешанные эмоции от пережитого готовы вовлечь горе-ученика в омут радостной истерики.

— Наконец-то у тебя получилось, — учитель нарочито плохо скрывает радость успеха, — теперь ты знаешь, к чему должен стремиться. Только не спеши повторять это вне симуляции: реальная жизнь имеет привычку ломать зазнавшихся юнцов. К тому же твоё тело ещё не готово, и готово оно будет ещё не скоро…

http://tl.rulate.ru/book/8500/189168